

ЗЕЛЕНЫЙ ЦВЕТ У ЧЕХОВА-ДРАМАТУРГА И ПРОЗАИКА

© 2005 Н.В. Самсонова

Воронежский государственный университет

*У лукоморья... кот зеленый...
"Три сестры"*

В "Трех сестрах" Маша четырежды повторяет пушкинские строки "У лукоморья дуб зеленый..." и только в четвертый раз озвучивает подтекст, вкладываемый ею в этот текстовый отрывок: "Неудачная жизнь..." [7, 308]. Именно в четвертый раз Маша искажает его звучание: "У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том... Кот зеленый... дуб зеленый..." — и, помимо забавного и трогательного звучания, фрагмент приобретает дополнительный смысл. Из контекста мы знаем, что волнение Маши, которое заставило ее перепутать слова, связано с отъездом Вершинина, ее любимого человека. Вместе с тем, думается, что в этой фразе, призванной выразить все горе Маши и всю ее неудовлетворенность жизнью, оговорка "кот зеленый" отнюдь не случайна.

Любопытно, что ключ к этому якобы произвольно смоделированному образу мы найдем в рассказе "О любви", где героиня высказывает свою неудовлетворенность жизнью (в данном случае в деревне) следующим образом: "Я <...> пахал, сеял, косил и при этом скучал и брезгливо морщился, как деревенская кошка, которая с голоду ест на огороде огурцы" [6, 284], — т. е. это тот же "кот зеленый", которому приходится заниматься нелюбимой работой, — как и Маше, которой приходится жить с нелюбимым человеком. Определенным образом этот мотив продолжается в рассказе "Новая дача", в ситуации, где плачет дочь инженера, расстроенная грубостью и непониманием мужиков. Один из мужиков пытается ее утешить, угостив огурцом: "Девочка заплакала... Родион... вынул из кармана огурец, маленький, кривой, как полумесяц <...> и стал совать его девочке в руки... — Возьми-кась огурчика покушай... Плакать не годится" [6, 345]. Угощение огурцом, который не является ни лакомством, ни тем более какой-либо ком-

пенсацией обид, причиненных мужиками помещикам, помещают девочку в ситуацию того самого "кота зеленого", где огурец, если даже и будет съеден, то исключительно нехотя и "брезгливо морщась".

Еще одна "проекция" этой ситуации — в повести "Три года". Напомню, что главный герой, Лаптев, страстно и безответно влюблен в свою жену Юлию. Через три года они как бы меняются ролями: Юлия влюбляется в Лаптева, но последний охладевает к ней. В его представлении перемена чувств связана с переменой в Юлии, которая превращается в зрелую, сильную женщину. Об этой перемене высказывается еще один герой повести, Панануров, говоря Юлии: "Вы напоминаете мне свежепросоленный огурчик <...> из вас формируется великолепная женщина" [5, 441]. Именно этот "огурчик" — не любимую более женщину — отныне и придется есть Лаптеву, которому, напротив, нравилась прежняя "тонкая, хрупкая, бледнолицая девушка". С неудовлетворенностью у Чехова связан "кошачий" мотив в целом. Так, Кисочкой зовут героиню рассказа "Огни", неудовлетворенную как семейной жизнью, так и жизнью вообще, и готовую следовать за Ананьевым куда угодно, объясняя это так: "Вы, мальчики <...> уезжаете в университет, чтобы больше никогда не возвращаться в родной город <...> а девочки остаются <...> за неимением порядочных людей и выходят бог знает за кого" [5, 490]. Героиня "Супруги" не любит своего мужа и не дорожит семейной жизнью; в тот момент, когда выясняется, что она хочет поехать к любовнику в Ниццу, о ней говорится: "У нее в глазах, как у кошки, блеснул зеленый огонек" [6, 10]. Мотив неудовлетворенной кошки так или иначе связан с мотивом ущербности. Любопытно, что чеховские кошки — белые либо черные (о черном и белом цветах см. далее), не считая зеленого кота в "Трех сестрах". Так, о белой кошке, фигурирующей в рассказе "Мужики", мы узнаем следующее:

– Кис, кис! – поманила ее Саша. – Кис!
– Она у нас не слышит, – сказала девочка. –
Оглохла.
– Отчего?
– Так. Побили [6, 197].

Как известно, почти все белые кошки-альбиносы глухи от рождения, но глухоту кошки в данном случае автор не случайно обосновывает совсем иначе.

В хрестоматийном “Учителе словесности” белый кот ассоциируется с главным героем Никитиным. В тот момент, когда тот разочаровывается в ранее любимой жене, уязвленный ее пошлостью, он чувствует “раздражение против белого кота” [5, 366], – т. е. фактически против самого себя: “...кроме этого мирка, в котором так сладко живет ему и вот этому коту, есть ведь еще другой мир <...> И ему страстно, до тоски, захотелось в этот другой мир” [5, 367]. (“Меня окружает пошлость и пошлость <...> горшочки со сметаной, кувшины с молоком <...> Бежать отсюда...” /там же/). С этого момента жизнь, вместе с горшочками со сметаной и кувшинами с молоком, которые заботливо запасает жена и содержимое которых корреспондирует с белизной кота, – превращается для Никитина в те самые огурцы, которые можно есть только “брезгливо морщась”, т. е. за неимением лучшего.

В контексте чеховских произведений даже вполне традиционная оппозиция “кошка – мышь” меняет свой вектор. “Зинаида Федоровна побежала за Орловым, как “кошка за мышью” (“Рассказ неизвестного человека”) [5, 186]: в этой паре происходит метатеза понятий “охотник” и “жертва”: страдательный персонаж – это именно Зинаида Федоровна (“кошка”), покончившая с собой из-за предательства Орлова. Таким образом, игра в “кошки-мышки” заканчивается неожиданно: “кошка” становится жертвой “мышки”.

Получается, чеховские кошки ущербны, как бы вынужденные довольствоваться отнюдь не вкусными, да и просто и нелепыми огурцами, – как некоей несообразностью, по большому счету не имеющей никакого отношения к настоящей пище и, соответственно, к настоящей жизни.

К этой же категории примыкает и еще один чеховский образ, маркированный окрашенностью в зеленый цвет, из рассказа “Моя жизнь”: “У меня с детства осталось в памяти, как у одного из богачей вылетел из клетки зеленый попугай, и как потом эта красивая птица целый месяц бродила по городу... одинокая, бесприютная. И Мария Викторовна напоминала мне эту птицу” [6; 149], – так говорит о своей случайной жене герой. Мария Викторовна выходит замуж за героя-

рассказчика, обманывая себя, томимая тоской по счастью, – но это совсем не тот человек, который может ей его дать, и расставание неизбежно.

Зеленый цвет у Чехова может быть и цветом ярко выраженной агрессии. К примеру, героиня рассказа “В родном углу”, возвращаясь после нескольких лет в свое имение, едет через степь, которая описывается так: “...нескончаемая равнина <...> пугала ее, и минутами было ясно, что это спокойное зеленое чудовище поглотит ее жизнь, обратит в ничто” [6, 241]. (Ср. слова доктора Соболя: “...посмотрите-ка вы на окружающую природу: высунь из воротника нос или ухо – откусит” (“Жена”) [6, 42]. В финале ощущение героини полностью сбывается, – Вера принимает условия мелкопоместной жизни и выходит замуж за презираемого ею Нещапova, решив: “Надо не жить, надо слиться в одно с этой роскошной степью, безграничной и равнодушной <...> и тогда будет хорошо” [6, 249]. Этот образ получит косвенную проекцию в “Трех сестрах”, в словах Ирины: “Вы говорите: прекрасна жизнь <...> У нас, трех сестер, жизнь не была еще прекрасной, она заглушала нас, как сорная трава...” [7, 261].

Наиболее “агрессивно” сочетание зеленого цвета с желтым. Так, в рассказе “В овраге” говорится о новом платье, сшитом для Аксиньи, будущей детоубийцы: “...зеленое, с желтой грудью и шлейфом” [6, 393]. И далее: “Зеленая, с желтой грудью, с улыбкой, она глядела, как весной из молодой ржи глядит на прохожего гадюка” [6; 398]. Липа, предчувствуя беду, признается: “Аксиньи боюсь <...> часом взглянет в окошко, а глаза у ней такие сердитые и горят зеленые, словно в хлеву у овцы” [6, 402]. Напомню, что убийство младенца совершается Аксиньей ради денег, – в этом отношении любопытно, что у Чехова мы находим их “портрет” с точки зрения цветовой окрашенности: “Развлечение <...> по вечерам вынимать из карманов бумажки, добытые практикой, и, случалось, бумажек – желтых и зеленых <...> было понапихано во все карманы” (“Ионыч”) [6, 304]. Мотив денег, “серпентарный” мотив и зелено-желтая доминанта смыкаются в рассказе “Ариадна”, герой которой вынужден выжимать последние соки из своего имения ради удовлетворения капризов возлюбленной. О пребывании в Аббации, одном из самых дорогих курортов, он высказывается следующим образом: “...зелень пальм, и ярко-желтый песок на аллеях, и ярко-зеленые скамьи <...> мы, как сытые удавы, обращали внимание только на блестящие предметы, окна магазинов гипнотизировали нас, и мы восхищались фальшивыми брошками и покупали массу ненужных, ничтожных вещей” [6; 72, 75].

Этот цвет смыкается еще и с цветом злополучного крыжовника, ради которого главный герой одноименного рассказа всю жизнь копит деньги и полностью опускается. Финальные слова героя: “Ах, как вкусно! Ты попробуй!” – рассказчик комментирует совершенно противоположным образом: “Было жестко и кисло” [6, 279], – т. е. с таким трудом и жертвами добытый крыжовник на поверку мало чем отличается от пресловутых огурцов. К этой “вегетативной” паре примыкает еще и третий участник – полынь, которая, как известно, также зеленого цвета. Так, Аксинья продает в лавочке “пиво, горькое, как полынь” [6, 421]; о Душечке, после смерти ее второго мужа, говорится, что ей было “так горько, как будто обьялась полыни” [6, 330].

Особое место в локусах зеленого цвета занимает крыша. Как правило, зеленую крышу в чеховских текстах имеет преимущественно школа в каком-либо провинциальном городе, на которую, преимущественно с чувством ностальгии, глядят возвращающиеся в город либо навсегда покидающие его (см., к примеру, прощание – взгляд на зеленую крышу в рассказе “О любви”). Наиболее интенсивное выражение этого мотива – в рассказе “Моя жизнь”, герой которого, по своей воле и желанию став маляром, признается: “Ничто мне так не нравилось, как красить крышу” [6, 158]. Вместе с тем, ностальгической теп-

лоте этого мотива противоречит жесткий и печальный факт из его “трудовой биографии”: “Нас били, выкрадывали у нас кисти и <...> чтобы вызывать нас на драку, портили нашу работу, например, вымазывали будки зеленою краской” [6, 137]. Герой, рассказывая о том, как его случайная жена Маша – та самая, которую он сравнивал с зеленым попугаем, – разочаровывается в нем и его покидает, – делает акцент на этой детали: “оглядывалась на школу; зеленая крыша, выкрашенная мною и теперь блестящая на солнце, долго была видна нам. И я чувствовал, что взгляды, которые бросала теперь Маша, были прощальные” [6, 174] – и переводит этот образ в метафорический план: “Какое это огромное счастье любить и быть любимым и какой ужас чувствовать, что начинаешь сваливаться с этой высокой башни!” [6, 175].

Таким образом, зеленый цвет в текстах Чехова весьма неоднозначен и противоречив, но в целом имеет скорее негативные “коннотации”, – несмотря на, казалось бы, такие жизнеутверждающие пейзажи, как хрестоматийную “зеленую толпу ив” (“Скрипка Ротшильда”) и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чехов А. П. Собр. соч.: в 8 т. / А. П. Чехов. – М., 1970. Далее цитаты даются по этому изданию с указанием тома и страницы.